Марина Йоргенсен

На каком языке европцы разговаривают?

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Марина любила путешествовать. Любила готовиться к путешествию. Заранее. За месяц. Лучше за два. Ей нравилось паковать свою, отдельную от родительской, сумку, нравилось долго и тщательно выбирать игрушки, которые она возьмет с собой. И платья. Платьев у Марины было много. Родственники по маминой линии были раскиданы по всему Советскому Союзу. Так получилось, что Марина оказалась в роду самой младшей, и посылки с подарками регулярно шли со всей страны. Не только новое, но и то качественное, иногда даже импортное и почти новое, из чего скоропостижно выросли старшие двоюродно-троюродные сестры. Собирая свою сумку, Марина вспомнила, что вчера папина коллега подарила ей шоколадку «Вдохновение». Шоколад этот был очень вкусным. И дефицитным. Его не покупали, а доставали. В отличие от противных конфет-батончиков, которые зачем-то назывались шоколадными и продавались везде, но были совсем невкусными…»

- Марина Йоргенсен
  - ○

Марина Йоргенсен
На каком языке европцы разговаривают?

Марина любила путешествовать. Любила готовиться к путешествию. Заранее. За месяц. Лучше за два. Ей нравилось паковать свою, отдельную от родительской, сумку, нравилось долго и тщательно выбирать игрушки, которые она возьмет с собой. И платья. Платьев у Марины было много. Родственники по маминой линии были раскиданы по всему Советскому Союзу. Так получилось, что Марина оказалась в роду самой младшей, и посылки с подарками регулярно шли со всей страны. Не только новое, но и то качественное, иногда даже импортное и почти новое, из чего скоропостижно выросли старшие двоюродно-троюродные сестры. Собирая свою сумку, Марина вспомнила, что вчера папина коллега подарила ей шоколадку «Вдохновение». Шоколад этот был очень вкусным. И дефицитным. Его не покупали, а доставали. В отличие от противных конфет-батончиков, которые зачем-то назывались шоколадными и продавались везде, но были совсем невкусными.

О том, что дефицитное всегда вкусное, Марина узнала в детском саду.

– А ты что, не ешь зеленый гохошек? – спросила за обедом кудрявая, хорошенькая Лена короткостриженую, всегда со сбитыми коленками Свету. Букву «р» в их группе еще не все выговаривали.

– Не люблю, – ответила Света. – Он невкусный.

– Ты что, это же дефицит, – деловито объяснила ей Лена. – Я люблю все дефициты!

Марина тогда впервые задумалась на тему этих самых «дефицитов» (про которые она, конечно же, и раньше слышала от взрослых) и решила, что она, пожалуй, тоже любит все дефициты. Почти все. Открыть шоколадку сейчас? Или лучше потом, в поезде? И съесть под стук колес, разглядывая, как в небе зажигаются звезды. И обязательно со всеми поделиться. Марина предвкушала поездку, радуясь, что она приближается с каждым днем. Скорее бы! Аромат путешествий манил. Путешествия пахли летом и новостями. «Новостями» Марина называла все новое, а не только скучную программу в телевизоре, которая обязательно рассказывала про «на полях нашей страны».

В этом году билеты на самолет у Марининых родителей

купить не получилось. Из-за Олимпиады. А может быть, и нет. В летнее время билеты на самолет всегда были дефицитом. Родители, кажется, были немного расстроены, а Марина совсем нет. Поезд – это даже более интересно. Настоящее приключение! Фирменный. «Сибиряк».

– Время в пути сорок семь часов, двадцать две минуты, – по слогам прочла Марина.

Еще на висевшем в тамбуре белом листке немного блеклыми, будто выцветшими буквами было написано, что поезд проследует по маршруту Новосибирск – Москва со всеми указанными остановками.

В школу Марине предстояло пойти через год, но читать она уже умела. Но еще не любила. Любила, чтобы ей читали родители. Родители никогда не отказывались почитать Марине книгу и всегда обсуждали с ней прочитанное. Обсуждать прочитанное Марина не любила, любила о прочитанном размышлять сама. Читать Марина научилась для того, чтобы можно было не спать. «Сон-час» в детском саду. Марина его терпеть не могла. Тем детям, которые умели читать, воспитательница разрешала сидеть тихонько в игровой на стульчике с книжкой, предварительно прочитав вслух какую-нибудь очень короткую сказку другим детям. Читающих девочек в группе было три. Кудрявая любительница всех дефицитов Лена была в их числе. Марина поставила себе цель как можно быстрее примкнуть к этой «неспящей» группе. И примкнула, перейдя буквально за месяц с чтения вывесок крупными буквами («Магазин», «Соки – Воды», «Вход») к чтению книг. Родители хоть и не были в восторге от причины, по которой Марина решила как можно быстрее научиться читать, но благоразумно рассудили, что «не важен фокус – важен результат». Ребенок к школе готов. Досрочно. А уложить спать Марину и дома было очень сложно. Обе бабушки хором твердили, что «это невозможный ребенок» и в качестве дополнительной аргументации всегда держали на видном месте флакон с валерьянкой.

Когда в купе заглянула проводница, чтобы собрать билеты и разложить их по кармашкам специальной клеенчатой папки, Марина и ее мама уже успели переодеться в яркие трикотажные халатики, которые недавно прилетели в посылке аж из самого Минска. В Новосибирске таких халатиков было днем с огнем не найти. Почти как платья. Яркие и абсолютно одинаковые, но, конечно же, разных размеров.

– Вот сейчас с билетами разберусь и чай вам принесу, – сказала проводница. – Чай пить будете?

– Будем, – ответила Марина. – У меня и шоколадка есть!

– Марина, хвастаться – это некрасиво. Не рассказывать про шоколадку, а угощать надо, – укоризненно покачала головой мама. – Такой вагон хороший! – сказала она теперь уже проводнице. – И в купе все как новое.

– Конечно, следим за порядком. Фирменный поезд. У нас юбилей в следующем году будет, – объяснила проводница. – Пятнадцать лет «Сибиряку» нашему исполняется! – добавила она с гордостью в голосе и почему-то покраснела. Как будто ей стало неудобно. То ли за юбилей, то ли за свою гордость. А может, ей просто стало жарко.

– Первый раз в Москву едешь? – спросила Марину проводница.

– Нет, я там уже много раз была, – важно ответила Марина.

Маринины родители чуть не прыснули со смеху. «Много» – это три раза. Из этих трех один раз проездом и один, самый первый раз, когда Марине еще и двух лет не исполнилось. Впрочем, у ребенка своя шкала для измерения событий, происходящих в его жизни. Марина хоть и не помнила свою первую поездку в Москву, зато последнюю, год назад, помнила в деталях и подробностях.

– Сколько дней мы будем в Москве? – решила Марина еще раз, на всякий случай, уточнить у родителей.

– В этот раз только четыре дня. А потом сядем на другой поезд и поедем до Краснодара. А потом на автобусе до Анапы, – ответила Маринина мама.

– Откроем окно? – предложил Маринин папа, когда проводница вышла из купе.

– Пыль налетит. Лучше потом, когда эту степь проедем, – ответила мама и выразительно посмотрела в окно.

Марина ничего не ответила. Она вытащила из кармашка сумки открытки любимых художников Зарубина и Четверикова.

– Мариш, ну а открытки ты зачем взяла с собой? – всплеснула руками мама.

– Чтобы любоваться.

– Лучше любуйся видом из окна. Смотри, как красиво!

– Уже не пыль?

– Уже не пыль.

Любоваться видом из окна Марине тоже нравилось. Ей вообще в поезде нравилось все. Засыпать под стук колес, слушая разговоры взрослых. Просыпаться под звуки мелодии, доносящейся из купейного радио. Нравилось ходить обедать в вагон-ресторан. «Ребенок должен питаться горячим», – была убеждена Маринина мама. Хотя еду с собой они в дорогу тоже,

конечно же, брали: отварную курицу, колбасу «Докторскую» и полукопченую, огурцы, помидоры, печенье, рыбные консервы – сайру в масле и в томатном соусе. И литровую банку томатного сока. Марина очень любила пить томатный сок. А вот вареные яйца Марина совсем не любила. Терпеть не могла. Вареные яйца – это как «сон-час» в садике, только еще хуже. Она любила яйца всмятку и яичницу-глазунью, но они были не «поездной» едой. Еще Марине нравилось строить домик для кукол на своей – верхней полке. И выходить на длинных остановках на перрон, чтобы «размяться». Купить мороженое-пломбир в вафельном стаканчике, а если повезет, то и леденец «Петушок на палочке». И даже попрыгать со скакалкой. А потом снова залезть на свою полку и смотреть в окно, как пробегают мимо леса, поля, поселки, города.

– Какая большая наша страна! – громко сказала Марина.

Громко – чтобы родители услышали. Стук колес заглушал неспешную беседу взрослых.

– Это точно! Не большая, а просто огромная. Во-о-он на том поле можно весь Люксембург разместить, – ответила ей тетя Наташа.

Тетя Наташа была не совсем тетей, а взрослой девочкой. Красивой и очень модной. У нее были джинсы, серебряные босоножки на танкетке и золотистые электронные часы марки «Электроника» с семью мелодиями. Наташа училась в Новосибирском университете, а сейчас ехала на каникулы домой в Омск.

– Ты когда-нибудь была в Омске? – спросила она Марину.

– Нет.

– Вот сейчас и побываешь. Остановка целых сорок минут. Омск тоже большой город, но не такой большой, как Новосибирск.

На платформе в Омске было тихо. Даже как-то сонно. Хоть и время еще не позднее. Марина почувствовала что-то похожее на гордость. Новосибирск и правда большой город. И на платформе перед отправлением поезда было очень много людей. Столица Сибири как-никак. Зато пирожки с картошкой, которые Маринина мама купила у старушки с лицом, похожим на печеное яблоко, оказались очень вкусными. И автомат с газировкой стоял прямо на платформе, а очереди не было. Марина выпила газировку за три копейки. Сладкую, но немного кислую. Все-таки хороший город, этот Омск. Вкусный!

Копеечные и трехкопеечные монеты Марина собирала целый год, чтобы все лето пить воду из серых автоматов с надписью: «Газированная вода». Зимой эти автоматы не работали. Да если

бы и работали, родители все равно бы зимой пить газировку не разрешили. Опасно для горла. Они и летом-то были не в особом восторге от Марининой любви к газированным напиткам.

– У тебя же печень! – говорила мама и как-то горестно вздыхала.

– А у других печени нет? – отвечала ей Марина.

Однажды заданный наивный детский вопрос в их семье уже успел превратиться в дежурную шутку, которую Марина повторяла всякий раз в надежде, что мама улыбнется, засмеется и разрешит выпить «последний стаканчик, но следующий не скоро, договорились?».

– А что такое Люксембург? – спросила Марина родителей уже потом. Позже. Когда поезд опять деловито и монотонно застучал колесами.

– Город такой, – ответил Маринин папа. – И страна. Очень маленькая. Крошечная. В Европе находится.

Папа рассказывал о Люксембурге что-то еще, но Марина уже не слушала. Она увидела, что по коридору вместе со своей мамой идет девочка Катя. Марина познакомилась с Катей несколько остановок назад, и они договорились поиграть вместе. Марина взяла с собой несколько пупсиков, самых лучших – не пластмассовые столбики с нарисованными глазами, а которые как маленькие куклы. С волосами и ручки с ножками двигаются. У одного из пупсиков даже глазки моргали. И реснички были. Настоящие, из волосиков. Катя везла с собой говорящую куклу. Диковинная кукла не только говорила «мама» и сгибала-разгибала шарнирные ручки и ножки, но и крутила головой, когда к ее рту подносили ложку с кашей. Не любую ложку, а специальную, кукольную. И соска у куклы была. Таких кукол Марина еще не видела. Вот бы поиграть такой! Чтобы долго, а не пять минут. А еще лучше получить в подарок. Но это было больше, чем мечта. В Советском Союзе такие куклы не продавали. И даже достать было нельзя. Катина мама сказала, что эту куклу Кате привезли в подарок из Финляндии. Финляндия – это страна такая. Марине сразу же захотелось в Финляндию. Хотя бы одним глазком увидеть! Получить в подарок замечательную куклу и сразу обратно.

Катина мама сказала, что они идут в туалет, и пообещала по дороге обратно пригласить Марину в их купе поиграть. Какой замечательный день! Что может быть лучше путешествий?

Если что и омрачало путешествие, так это тот самый туалет. Чистенький и пахнущий хлоркой в самом начале, через несколько часов он успевал превратиться в место совсем неприятное. Мыло и туалетная бумага тоже исчезали почти сразу, но их

предусмотрительная Маринина мама всегда брала с собой в прозрачном пакете. Марина немного стеснялась того, что пакет прозрачный и все видят, что в нем лежит туалетная бумага. По дороге в туалет она всегда надеялась, что в коридоре никого не будет. Что случалось очень редко. В коридоре и тамбуре всегда толпились люди, а в туалет всегда была очередь.

«Вот куклам – им везет! Им не надо ходить в этот противный туалет», – не вслух, а про себя размышляла Марина.

Даже в ее любимом Кукольном театре туалет был грязным. И в Оперном, взрослом театре, туалет был тоже грязным. В Оперном Марина уже успела не только пересмотреть весь детский репертуар и прослушать по абонементу цикл концертов классической музыки для детей, но и побывать на взрослом балете «Жизель».

Марина раскрыла альбом для рисования, вытащила из сумки карандаши и начала рисовать балерин. Пачки балеринам Марина сначала нарисовала белыми, но потом решила их раскрасить в цвет радуги. Каждый охотник желает знать, где сидит фазан. К пуантам она придумала дорисовать огромные красные банты. Вот теперь будет совсем красиво. Дверь купе была открыта, и Марина увидела, что в коридоре стало как-то очень оживленно. Люди вышли из своих купе, смотрели в окно и что-то громко обсуждали: «Смотрите, смотрите сюда! Уже скоро, подъезжаем! Где? Не вижу. Не видно еще, сейчас появится. К Вершине подъезжаем? Да!»

– Марина, иди сюда, быстренько! Самое интересное пропустишь! – позвала Марину мама, которая тоже стояла в коридоре, около двери их купе.

– Я уже видела горы, – не отрываясь от разукрашивания бантов, ответила ей Марина.

– Не горы, еще интереснее! Граница между Европой и Азией!

Граница между Европой и Азией? Действительно интересно! Тем временем за окном показался белый, похожий на кусок сахара-рафинада, столб.

– Этот обелиск, – пояснил Маринин папа, – был установлен перед Всемирным фестивалем молодежи и студентов в 1957 году, чтобы те, кто поедут на фестиваль в Москву по Транссибирской железной дороге аж с самого Дальнего Востока, смогли бы собственными глазами увидеть, где заканчивается Азия и начинается Европа. Или наоборот, заканчивается Европа и начинается Азия. Солнце встает на востоке.

Обелиск стоял на небольшом возвышении и внешне немного напоминал те, которые из книги про пирамиды и древние времена. С одной стороны камня большими буквами было

написано: «Азия», с другой – «Европа».

– Ну вот, мы только что выехали из Азии и въехали в Европу, – сказала Маринина мама.

– Но ведь Азия это где-то далеко, – ответила ей Марина.

– Азия большая. Город Новосибирск – это тоже Азия. Так что получается, что и ты живешь в Азии.

То, что Марина сама, оказывается, живет в Азии, это ей осознать было сложно. Она твердо знала, что живет в СССР – самой большой стране мира. «Азия» же звучала так загадочно, что почти как мифология из сборника сказок народов СССР и фольклор про Ходжу Насреддина.

– И вот здесь, именно в этом месте, заканчивается Азия?

– Да.

– И начинается Европа?

– Да, именно здесь…

– Мама, а на каком языке европцы разговаривают?

2016